

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ — ТЕАТР имени ЛЕНСОВЕТА

В МНОГООБРАЗНОЙ и довольно сложной театральной жизни Ленинграда сейчас можно выделить творческие коллективы, отличающиеся «лицом не общим выражением», устремленностью поисков. Об одних можно говорить как о театрах, уже сформировавшихся в коллективном художнике. Другие еще складываются, обретают зрелость, а вместе с этим и своеобразие; к числу их относится Ленинградский театр им. Ленсовета.

Процесс формирования коллектива происходит не всегда гладко, спокойно. Он зависит от многих обстоятельств, но неизменно связан с именем режиссера, способного объединить довольно разных художников ясной идейно-творческой программой, облечь их своим видением жизни, увлечь творческим методом.

В свое время этот творческий коллектив возглавляли режиссеры П. Вейсбрем, В. Зон, С. Мордихин, И. Ефремов, Т. Кондрашев... Были и вальеты, и падеши. Наиболее заметным был резкий подъем театра в середине пятидесятых годов, когда к руководству пришел Н. Акимов — опытный режиссер яркой индивидуальности. Тогда о театре громко заговорили, заговорили и о многих интересно раскрывшихся актерах. Но после возвращения Акимова в Театр комедии вновь наступила «ара» застоя.

МНЕ представляется, что сейчас в Театре им. Ленсовета вновь наступил период творческого оживления, связанный с приходом молодого режиссера И. Владимировича — воспитанника Г. Товстоногова.

Поняв, что довольно трудно определить курс, вятый коллективом. Репертуар скорее сдвигался, чем менялся, нежелая о четкости намеченной программы. Спектакли, казалось, были слишком разными, не сразу складывались в творческий ансамбль.

Но уже в первой работе Владимировича «Идеальный вечер» Благая можно было заметить принципиально новое, свежее, которое затем получает утверждение, развитие. Именно в этом спектакле Владимирович вывел себя как художника светлого, жизнеутверждающего начала, актив-

ной, богатой выдумки, яркой театральности, которая не вступала в спор с правдой. Режиссер, не боясь заострения, броскости, прочитал комедию точно. Его не соблазнила «модная» версия противопоставления разных поколений. Нет, режиссер стремился сказать о том, что людям надо сценивать вне зависимости, молодцы они или зрелые, но по первому впечатлению и даже не только по поступкам, а зная, погрузив в их внутренний мир. И старшие, и младшие имеют свою мечту и взгляд на жизнь, они могут в чем-то расходиться, в чем-то и заблуждаться, но в главном — в желании сделать жизнь лучше, интереснее, чище — они не расходятся. Такое решение постановки во многом зависело от исполнителя главной роли Отца. Надо отдать должное А. Эстрину: ему вместе с режиссером удалось добиться безусловного успеха. Очень естествен, понятен этот суровый, порой резкий и в то же время сердечный человек, партийный работник, который решил до конца разобраться в судьбах своих детей.

В спектакле ярко прозвучала М. Яблонская в роли Ганки, блестящий безусловным дарованием юный В. Харитонов — Карел и молодая И. Бурханова — Маринка. Уже в этой работе режиссер начал лепить актерский ансамбль, приметами которого было активное обращение к ролевым материалам, щедрость красок. Конечно, ансамбль еще только складывался, не все роли были приведены к «единому знаменателю».

С моей точки зрения, принципиальное значение имела и постановка Владимировича «Кочевники XX века» В. Рымаря. Спектакль этот не числится в активе театра и справедливо не мог быть отнесен к числу его удач. Но именно здесь наиболее заметно проявилась позиция театра, которую он стал утверждать. Театр неверно выбрал пьесу, она не укладывалась в программу, которую заявлял вместе с коллективом режиссер. Пьеса представляла своего рода обвинительный акт по поводу гибели навозостройки одного хорошего человека. Театр же хотел показать интересных и ярких людей, работавших там, не кочевников, а романтиков XX века. У автора пьесы преобладали пафос отрицания плохого, а театр хотел утверждать хорошее в жизни.

В этой поучительной истории хочется поддержать здоровую тенденцию театра, которому важно было одолевая выведи на будущее И. Думается, что вывод был сделан правильный: Ибо в одной

из последующих постановок уже произошла встреча единомышленников. В «Первом встречном» театру уже не приходилось спорить с Ю. Прияцким — а в результате появился звонкий, светлый, жизнеутверждающий спектакль об ответственности коллектива за товарища по труду, за человека, которого он выправляет.

УТВЕРЖДЕНИЮ положительных начал нашей жизни, утверждению справедливости, внимания к человеку посвящена и последующая работа театра — «Хочу верить» И. Головановского. И что важно, идейно-творческие принципы утверждаются не только главным режиссером, поверившим в них коллективом, они поддержаны и режиссерской работой Н. Райхштейна.

Вряд ли опубликованная в свое время повесть явилась благодарным материалом для перевода на язык драмы. Несмотря на острый, лихо закрученный сюжет и видимость действительности, в повести не были выписаны характеры. Этот недостаток в какой-то степени сохранился и в пьесе.

Молодой журналист Алексей Трофимов ищет материалы для реабилитации партизанки Людмилы Зайковской. На эту сюжетную нить, как бусинки, нанизаны эпизоды и столь же эпизодические роли. Их двадцать, что для камерной пьесы многовато. Это ставило перед режиссером и артистами задачи немалой сложности. И все же в главном театр победил.

Театр нашел достаточно исполнителя на главную роль. И. Конопацкий задает тон, ведет действие и является самой привлекательной личностью в спектакле.

Самое появление на сцене молодого, очень простого, искреннего и очень напористого персонажа вызывает искреннее сопереживание. Именно эти качества во многом оправдывают положительные оценки, в которых преобладает Алексей Трофимов, одержимый вроде бы и надуманной, но тем не менее подкрепленной верой в «XXI век», некогда написавшего хорошие, честные письма любимому. Да, Алеша одержим идеей докопаться до сути запутанного, запутанного дела о некой Зайковской, обвиненной, казавшейся, неопровержимыми уликами в предательстве. И вера в спасенного человека, основанная на спешном фактах, окошко на тонкой интуиции, воспринимавшая восстановление правды, возмещение им, которое несправедливо было покрыто покровом, слани-

дешка Маша Сапожникова обросила бременем висевшего обвинения над ее матерью. Мать обрела дочь.

Спектакль учит принципиальности, упорству в достижении цели, мужеству.

Я не задаюсь целью подробно анализировать постановку и актерские работы. Но хотелось бы отметить, что театр, оставаясь верным избранной позиции — еще в пути.

Если сравнительно с другими исполнителями И. Конопацкий имел материал для роли, который и был им исчерпан в полной мере, то и на материале менее благодарном И. Лейер в роли секретаря обкома партии заставил нас поверить, что человек этот крупный, думающий, располагающий к себе. Казалось, данные Г. Жженова не очень ложатся на образ инженера Черныша, совершившего в дни войны почти легендарные подвиги. Но встреча с Чернышом состоялась как с человеком очень интересным, своеобразным, талантливым, сильным.

Актеры, стремясь создать даже в эпизодах характеры запоминающиеся, определенные, способствуют общему успеху спектакля, но если говорить о единстве ансамбля, то следует бросить и упреки. Так, скажем, великолепно играет М. Девяткин ответственного секретаря газеты, но увлеченность характерностью приводит артиста к некоторой Нарочитости, почти комикованию; театральность стала захлестывать правду. Еще в большей степени этот упрек можно отнести опытному, одаренному Ю. Вубликову. В скринной роли Чудновского, отбывающего наказание за сотрудничество с тестатом, приспособленчеством, мы увидели не человека, тяжело пережившего предательство, а паясничавшего, плутишки над всем и над всем, неустойчивого подлога, отбывающего бродягу. Правое, это не к чему. Эти образы из другого спектакля, из другого театра.

СЕГОДНЯ на сцене Кремлевского театра Ленинградский театр им. Ленсовета начинает гастроли. Он покажет москвичам свои последние работы: «Хочу верить», «Первый встречный» и «Пигмалион», а попытается, довольно смело, познакомиться с читателями с коллективами, чей голос за последние годы мы начинаем слышать все увереннее и заметнее в творческой жизни второй театральной столицы.

ЮРИЙ МАЛАШЕВ